

А. Ю. Митрофанов

**Анна Комнина (1083–1153/54) как защитница
классического римского права.
К вопросу о превращении
выборной монархии в наследственную**

УДК 94(495).03

DOI 10.47132/1814-5574_2021_4_198

Аннотация: Статья развивает высказанное автором в монографии «Время Анны Комниной» положение, заключающееся в том, что неудачный переворот, предпринятый Анной Комниной против своего младшего брата — императора Иоанна II Комнина (1118–1143), был обусловлен желанием Анны защитить древнеримскую правовую традицию выборности императора, продолжавшую существовать в Византии. Автор исследует мотивы Анны Комниной, опираясь на текст «Алексиады», на рассказ Никиты Хониата о неудачном перевороте 1118 г. и на римско-византийские памятники права. Вывод автора заключается в том, что неудачный переворот 1118 г. представлял собой попытку Анны Комниной повторить деяния отца — императора Алексея I (1081–1118), и его дяди — императора Исаака I (1057–1059), которые завоевали императорскую порфиру с мечом в руках, а не получили ее по наследству.

Ключевые слова: Анна Комнина, Алексей Комнин, Исаак Комнин, Византия, византийское право, римское право, выборная монархия, наследственная монархия, сельджуки.

Об авторе: **Андрей Юрьевич Митрофанов**

Доктор исторических наук, доктор истории, археологии и искусств Лувенского Католического университета, научный сотрудник Санкт-Петербургской духовной академии.

E-mail: non-recuso-laborem@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5365-1577>

Ссылка на статью: Митрофанов А. Ю. Анна Комнина (1083–1153/54) как защитница классического римского права. К вопросу о превращении выборной монархии в наследственную // Христианское чтение. 2021. № 4. С. 198–214.

KHRISTIANSKOYE CHTENIYE
[Christian Reading]

Scientific Journal
Saint Petersburg Theological Academy
Russian Orthodox Church

No. 4

2021

Andrey Yu. Mitrofanov

**Anna Komnena (1083–1153 / 54) as a Defender
of Classical Roman Law.
On the Question of the Transformation
of an Elective Monarchy into a Hereditary One**

UDC 94(495).03

DOI 10.47132/1814-5574_2021_4_198

Abstract: The article develops the position expressed by the author in the monograph *The Time of Anna Komnena*, which is that the unsuccessful coup undertaken by Anna Komnena against her younger brother, the Emperor John II Komnenos (1118–1143), was due to the desire of Anna Komnena to protect the Ancient Roman legal tradition of electing the Emperor, which continued to exist in Byzantium. The author explores the motives of Anna Komnena, based on the text of the *Alexiad*, on the story of Nicetas Choniates about the unsuccessful coup of 1118, and on the Roman-Byzantine monuments of law. The author's conclusion is that the unsuccessful coup of 1118 was an attempt by Anna Komnena to repeat the actions of her father — Emperor Alexios I (1081–1118) and his uncle — Emperor Isaac I (1057–1059), who conquered the imperial porphyry with a sword in their hands, and did not inherit it.

Keywords: Anna Komnena, Alexios Komnenos, Isaac Komnenos, Byzantium, Byzantine law, Roman law, elective monarchy, hereditary monarchy, Seljuqs.

About the author: **Andrey Yurievich Mitrofanov**

Doctor of Historical Sciences, Doctor of History, Archeology and Arts at the Louvain Catholic University, Researcher at the St. Petersburg Theological Academy.

E-mail: non-recuso-laborem@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5365-1577>

Article link: Mitrofanov A. Yu. Anna Komnena (1083–1153 / 54) as a Defender of Classical Roman Law. On the Question of the Transformation of an Elective Monarchy into a Hereditary One. *Khristianskoye Chteniye*, 2021, no. 4, pp. 198–214.

Введение

... καὶ τότε πάλιν ἡ μάνα του τοὺς ἄρχοντας ἐλάλει
ἄμετε ἰδέτε οἱ ἄρχοντες καὶ στρώσετε τὸν μᾶρον
..... στρώσετε τὸν μᾶρον τοῦ πατρὸς του...¹
[Об Армуре 21–23]

Драматическая история неудачного переворота, подготовленного в 1118 г. дочерью императора Алексея I Комнина (1081–1118) известным историком принцессой Анной Комниной, традиционно воспринимается благодаря рассказу Никиты Хониата как заурядная «попытка путча», типичная для византийской политической жизни. Однако специфика личности Анны Комниной и некоторые обстоятельства этого переворота заставляют нас поставить под сомнение традиционную точку зрения и попытаться выявить внутренние побудительные мотивы, толкнувшие Анну на переворот. Принцесса прекрасно знала об обстоятельствах захвата престола как своим собственным отцом императором Алексеем I, так и дядей Алексея императором Исааком I. Если весной 1081 г. Алексей Комнин овладел Константинополем при помощи подкупа командира немецких наемников Гилпракта, а затем неволью отдал непокорную столицу на разграбление распоясавшейся солдатне (Anne Comnène, 1967, I, 93–98), то его дядя Исаак Комнин завоевал Константинополь в ходе кратковременной, но кровопролитной гражданской войны, кульминацией которой стала кровавая битва при Петрое 20 августа 1057 г. (Attaleiates, 2011, 44–45; Psellos II, 1928, 89–91); [Мохов, 2012, 52–60]. Примеры отца и его дяди давали Анне основание рассматривать императорскую порфиру, завоеванную с мечом в руках, как приобретение несравненно более ценное и легитимное, чем порфиру, полученную по наследству. При этом с наследственными правами у Анны Комниной также было все в полном порядке, ибо она практически с рождения была официально провозглашена наследницей престола.

Однако были ли эти наследственные права достаточным основанием для переворота 1118 г.? Или мотивы действий Анны Комниной следует искать в принципиально ином обосновании собственной легитимности? Для ответа на подобные вопросы необходимо исследовать проблему правовой культуры Анны Комниной и понять ее отношение к римскому праву, которое, как известно, неизменно лежало в основе неписаной «византийской конституции». Для этого нам необходимо выяснить следующее:

1. На каких положениях действующего законодательства Византии основывалась передача императорской власти?
2. Что именно действовало в таком случае — нормы классического римского права или нормы пост-юстиниановских сборников законодательства?
3. Превращение выборной монархии в наследственную могло базироваться на пробелах или коллизиях византийского законодательства?
4. Можно ли говорить о том, что у превращения выборной монархии в наследственную есть вообще какие-то правовые основания?
5. Были ли внесены при Алексее Комнине или позднее какие-либо изменения в византийское законодательство, узаконивавшие превращение выборной монархии в наследственную?
6. Были ли задействованы в правовом обосновании смены императора нормы церковного права?

Вначале рассмотрим саму предысторию неудавшегося переворота Анны Комниной и его последствия. Как известно, до появления на свет младшего брата Иоанна в 1087 г. Анна была не только официальной наследницей престола, но она

¹ И так говорит к дворянам его матушка: «Ну-те, господа, пойдите, оседлайте вороного... вороного отцовского...» Пер. Г. С. Дестуниса.

также была обручена с кесарем Константином Дукой — сыном императора Михаила VII Дуки Парапинака (1071–1078) и императрицы Марии Аланской (1053–1103). После рождения у императора Алексея I Комнина и императрицы Ирины Дукены (1066–1123/1133) сына Иоанна произошел государственный переворот, и, по словам Фердинанда Шаландона, Анна Комнина была лишена права наследовать престол [Chalandon, 1912, 4]. В предыдущих исследованиях мы много писали об этом перевороте, который, по существу, сломал жизнь старшей дочери Алексея I. Как отмечала впоследствии сама Анна Комнина на страницах «Алексиады», ее кортеж, в котором она ездил вместе с женихом — «белокурый Менелаем», сопровождали аккламации жителей Константинополя, подобающие императорским особам. В Византии церковное обручение рассматривалось в описываемую эпоху как состояние, равносильное браку, поэтому Анна воспитывалась при дворе свекрови — императрицы Марии Аланской. Злые языки придворных судачили о том, что мать императора Алексея, всеильная Анна Далассина (1030–1102), собирается развести сына с женой Ириной и организовать его брак с Марией Аланской (Anne Comnène, 1967, I, 106), которая будто бы мечтала уподобиться своим знаменитым предшественникам — Феофаном (941 — после 976) и Зое Порфирородной (978–1050) [Schlumberger, 1890, 252–308, 735–761; Schlumberger, 1905, 159–171]. Рождение у Алексея и Ирины сыновей Иоанна в 1087 г. и Исаака в 1093 г. рассеяло подобные слухи и разочаровало Марию Аланскую, которая некогда усыновила Алексея Комнина и весной 1081 г. содействовала перевороту, благодаря которому Алексей сверг императора Никифора III Вотаниата (1078–1081) и захватил престол. Вскоре после рождения первого сына Алексей запретил Константину Дуке носить пурпурные сапоги, выдворил Марию Аланскую из дворца и отправил ее в Манганский монастырь, а маленького Иоанна провозгласил наследником. Константин Дука, живший теперь в постоянном страхе перед перспективой скорого ослепления или осклопления, скончался в 1095 г., а два года спустя Анну выдали замуж за кесаря Никифора Вриенния. И хотя брак Анны Комниной и Никифора Вриенния с внешней точки зрения можно было бы назвать счастливым — у пары появилось четверо детей, однако Анна затаила против брата Иоанна чувство непримиримой ненависти. Именно Иоанн самим фактом своего появления на свет отнял у нее престол, принадлежавший ей по праву первородства, разрушил ее уютный мир детства, в котором она была так счастлива. Анна Комнина готовилась мстить, а между тем братья Анны Иоанн и Исаак росли в атмосфере отцовского обожания. В возрасте шестнадцати или семнадцати лет Иоанн был обручен, а вскоре и заключил брак с Пирошкой Арпад (1088–1134), дочерью венгерского короля Ласло I Святого (1077–1095), которая в 1118 г. стала императрицей Ириной Венгерской. Стройная рыжеволосая красавица Иоанну четверых сыновей, младшим из которых стал будущий император Мануил I (1143–1180), родившийся 28 ноября 1118 г. — как раз в год смерти деда и неудачного переворота тетушки. В 1108 г. имя Иоанна как соправителя отца было включено в текст Девольского договора, заключенного императором Алексеем с побежденным Боэмундом Тарентским. В 1112 г. император Алексей вел переговоры с Римским папой Пасхалием II (1099–1118) о короновании своего старшего сына в Риме в качестве императора Западной Римской империи в обмен на военную помощь папе против германского императора Генриха V (1106–1125) и церковную унию. Император Алексей оставил сыну Иоанну своеобразное завещание, известное под названием «Музы», в котором начертал образ идеального василевса, императора-рыцаря [Magdalino, 1993, 27–30].

Тем временем брат Иоанна Исаак также не оставался без отцовского попечения. В 1104 г., после смерти своего дяди по матери Никифора Мелиссина, Исаак получил титул кесаря. Вскоре, вероятно, последовал брак Исаака с некой иностранной принцессой. Эта принцесса, по мнению Октавиуша Юревича, была дочерью Звенигородского и Перемышльского князя Володаря Ростиславича (1085–1124) [Jurewicz, 1962, 39–42], а по мнению Рафаля Т. Принке — дочерью грузинского царя Давида IV Строителя (1089–1125) по имени Ката [Prinke, 2011, 489–502]. Возможно, оба брата, постоянно

пребывавшие вместе с отцом в военных кампаниях и на охоте, в какой-то момент сильно отделились от матери — императрицы Ирины, которая в большей степени благоволила дочери Анне и ее мужу Никифору Вриеннию, втайне желая, чтобы после смерти мужа престол достался бы именно им.

Еще в июне 1094 г. против императора Алексея созрел заговор, во главе которого стоял сын покойного императора Романа IV (1067–1071) Никифор Диоген. Во время очередного похода против сельджуков в Малую Азию Никифор пробрался в палатку императора с мечом в руках, намереваясь умертвить Алексея, но увидел служанку, отгонявшую комаров от спящих императора и императрицы, и предпочел retirоваться. Позднее Никифор, преследуя прежнюю цель, проник с мечом в руках в императорскую баню, где и был схвачен (Anne Comnène, 1967, II, 169–185). О заговоре Никифора Диогена знала жившая в то время в Манганском монастыре императрица Мария Аланская, которая, впрочем, выступала против убийства своего приемного сына и бывшего возлюбленного. Император Алексей приказал ослепить Никифора, желая произвести акцию устрашения и запугать сочувствующих заговору, каковых было много в военной среде. При этом Алексей любил Никифора как сына, воспитал его при своем дворе, а потому задумал повторить старый трюк с мнимым ослеплением, который был проделан им в Амасии с мятежным норманнским рыцарем Руселем де Байолем. Император отдал тайное распоряжение о том, чтобы только инсценировать ослепление Никифора. (Не исключено, что Алексей прибегал к мнимому ослеплению своих врагов под влиянием старинного предания о Льве Фоке — брате императора Никифора II (963–969), ослепить которого приказал узурпатор Иоанн I Цимисхий (969–976). Как рассказывает Иоанн Скилица, опиравшийся на утраченную историю клана Фок, солдаты Цимисхия отказались тогда лишать зрения столь доблестного военачальника, каким был Лев Фока, и лишь слегка обожгли ему веки раскаленным железом [Каждан, 1961, 106–128].) К сожалению, тайное распоряжение Алексея об инсценировке ослепления Никифора Диогена было доставлено гонцом слишком поздно. Заплечных дел мастера так торопились выполнить официальный приказ императора, что несчастный Никифор был ослеплен быстро и жестоко. Двор воспринял это известие как свидетельство решимости Алексея во что бы то ни стало обеспечить престол за своим маленьким наследником. Расправа над Никифором Диогеном была следствием неуверенности в своей власти, которую постоянно ощущал на престоле Алексей Комнин. К середине 1090-х гг. власть Алексея уже дважды оспаривалась самозванцами — норманнским ставленником Лже-Михаилом Ректором, выдавшим себя за свергнутого императора Михаила VII Дуку (Anne Comnène, 1967, I, 44), и половецким ставленником Лже-Константином Диогеном, объявившим себя сыном императора Романа IV (Anne Comnène, 1967, II, 190–201). Спустя почти четверть века умирающий Алексей полагал, что его сын Иоанн достаточно подготовлен для передачи власти. Однако старшая дочь Алексея, Анна Комнина, по-прежнему была иного мнения.

В ночь на 15 августа 1118 г., в канун праздника Успения Пресвятой Богородицы, императрица Ирина и Анна Комнина умоляли умирающего императора вспомнить об изначальном порядке престолонаследия и передать власть Анне и ее мужу Никифору Вриеннию. По понятным причинам сама Анна ничего об этом не пишет, упиваясь скорбью по отцу тридцать лет спустя после его кончины. Однако Никита Хониат оставил нам подробный рассказ, проливающий свет на события той грустной ночи (Niketas Choniates, 1975, 4–12). Алексей тайно послал за сыном Иоанном, и когда он явился, незаметно передал ему императорский перстень. Это перстень позволил Иоанну, не дожидаясь кончины отца, занять Большой дворец, где Иоанн и был провозглашен императором ромеев при молчаливом попустительстве солдат варяжской гвардии. На следующий день Иоанн остался в Большом дворце вместе со своими сторонниками, среди которых, вероятно, был и его младший брат кесарь Исаак, и не явился на похороны императора Алексея, опасаясь за свою жизнь. Попытка Анны Комниной овладеть престолом не удалась, и после передачи перстня Иоанну их мать

императрица Ирина гневно упрекала умирающего мужа, говоря о том, что он и так постоянно врал ей на протяжении всей жизни, и даже перед смертью не собирается переменить свой двуличный нрав. (Возможно, Ирина Дукена вспомнила тогда многочисленные измены императора Алексея, в частности, его многолетнюю связь с красавицей Марией Аланской, или планы Анны Далассины развести с ней сына и устроить его брак с Марией. Анна намекает на то, что слухи о подобных планах витали в воздухе при дворе, несмотря на строгое показное благочестие, насаждавшееся во дворце матерью императора.) Однако план Алексея удался, и его сын Иоанн сумел перехватить у сестры инициативу и овладеть престолом. Умирая, Алексей, вероятно, сознавал, что ему важно во что бы то ни стало не допустить гражданской войны, по крайней мере на этом этапе передачи власти.

Однако зловещие тени Анны Исаврийской и императора Артавазда (742–743) не покидали стены Влахернского дворца, возбуждая в душе Анны Комниной необоримую решимость бороться за власть. Несколько месяцев спустя Анна подготовила заговор против брата. План этого заговора, как сообщает нам Никита Хониат, сводился к следующему. Анна собрала группу преданных сторонников, которые должны были вместе с мужем Анны Никифором Вриеннием поздно вечером ворваться в покои новоиспеченного императора в филопатийском цирке, арестовать его, а если понадобится, то и убить, дабы затем провозгласить императором и императрицей Никифора и Анну. Заговорщики собрались в назначенный час, все развивалось весьма удачно, оставалось только дождаться мужа претендентки, однако новый Артавазд так и не появился. Заговорщики растерялись и разошлись, эффект внезапности был потерян, а наутро заговор был раскрыт и все его участники арестованы. Тщетно Анна скрежетала зубами и обвиняла природу в том, что та создала мужчиной Никифора, а не ее саму. Императрица Ирина, узнав о случившемся, посетовала лишь на то, что Анна, не успевшая опередить брата в последние часы земной жизни императора Алексея, вязалась теперь в гиблое предприятие и пытается свергнуть нового императора, уже вззошедшего на престол. Ирина вполне искренне пришла в ужас от того, что ее дочь планировала убийство младшего брата и заставила мать пережить муки более страшные, чем те, которые она испытывала, рождая своих детей на свет Божий. Император Иоанн II конфисковал имущество всех участников заговора, в том числе и родной сестры, но затем, как рассказывает Никита Хониат, возвратил Анне ее поместья и даже примирился с ней под влиянием великого домашнего Иоанна Аксуха — сельджука, воспитанного при дворе императора Алексея. Возможно, Аксух был близок к Татикию — крещеному сельджуку и приближенному императора Алексея, который был активным информатором Анны Комниной при подготовке материалов для написания «Алексиады». Не исключено, что именно связи с Татикием побудили Аксуха ходатайствовать за принцессу перед молодым императором. Как бы там ни было, Анна была отправлена в почетную ссылку в монастырь Богородицы Благодатной, где жила по-царски вместе с матерью под строгим надзором. В свое время императрица Ирина написала для этого монастыря специальный устав. Никифор Вриенний был осыпан почестями и приближен ко двору. Под сводами монастырской обители Анна Комнина коротала свой век в окружении узкого круга почитателей ее литературного таланта и собирала материалы для своего исторического сочинения, которое стало продолжением записок Никифора Вриенния [Chalandon, 1912, 1–18]. Впрочем, написать «Алексиаду» опальная принцесса смогла лишь тридцать лет спустя, в конце 1140-х гг., и ее труд стал не только прославлением отца — императора Алексея Комнина, но и политическим памфлетом, направленным против лагинофильской политики племянника — императора Мануила I.

Что же служило для Анны Комниной побудительным мотивом, толкавшим ее в 1118 г. к борьбе за власть, кроме попранного права первородства и ненависти к брату? Как мы уже отмечали, подобным мотивом, безусловно, были живые примеры отца — императора Алексея I, и императора Исаака I. Эти примеры наглядно подтверждали традицию, которая связывала византийскую политическую систему

с классическим римским правом. Как отмечали И. П. Медведев и Энтони Калделлис, византийская «монархическая республика» знала массу примеров того, как императорами становились либо простолюдины, случайные авантюристы, которые затем превращались в законных автократов и даже основателей династий, либо знатные военачальники, добывавшие престол доблестью и удачей [Медведев, 2001, 29–43; Kaldellis, 2015, 32–63].

Например, император Юстин I (518–527) был неграмотным солдатом, но уже его племянник Юстиниан I (527–565) стал выдающимся императором, а его жена — бывшая актриса и гетера Феодора (500–548) — не менее выдающейся императрицей. Столь знаменитые полководцы, как Ираклий (610–641) и Лев Исавр (717–741), захватили престол с мечом в руках. Причем Ираклий сверг предыдущего узурпатора Фоку (602–610) [Speck, 1988, 51–61], а Лев Исавр, по мнению замечательного византиниста Пауля Шпека, проявил себя не только как смелый противник бездарного императора Феодосия III (715–717), но и как талантливый дипломат и знаток арабского языка [Speck, 2002, 139–181]. переворот ненадолго привел к власти старого соратника Льва — императора Артавазда (742–743), который, по замечанию того же Пауля Шпека, сподобился последующего прославления благодаря поздней политической пропаганде иконопочитателей [Speck, 1981, 11–151]. К перевороту прибегла защитница святых икон императрица Ирина (797–802), которая свергла и ослепила собственного сына [Speck, 1978, 283–321]. Кровавые перевороты даровали престол полуграмотному армянину Василию I Македонянину (867–886) — основателю Македонской династии, и кумиру Анны Комниной Иоанну I Цимисхию (969–976), ставшему любовником Феофано — жены собственного дяди, которого Иоанн с ее же помощью и умертвил. После убийства Никифора II Фоки (963–969) в Византии была отчеканена золотая монета с изображением Пресвятой Богородицы, коронуемой Иоанна Цимисхия. Военачальник Никифор Вонтанат успешно захватил престол в 1078 г., однако благородно воздержался от пролития крови своего предшественника. Наконец, как уже отмечалось, Комнины дважды, в 1057 и 1081 гг., овладевали престолом путем вооруженного мятежа. Насколько осознанно опиралась Анна Комнина на эту традицию, покушаясь на волю своего горячо любимого отца?

Одной из фундаментальных проблем, характерных для византийской политической системы, было неразрешимое противоречие между республикой и монархией, наиболее остро проявившееся в период гражданских войн в Древнем Риме [Mitrofanov, 2017, 223–232], а затем периодически дававшее о себе знать в наиболее сложные периоды римской и византийской истории.

Как утверждал древнеримский юрист Гай (Gaius, 120?–180?), «никогда не было сомнения в том, что указ императора имеет силу настоящего закона, так как сам император приобретает власть на основании особого закона» (*GI I, 5*)². С этой точки зрения, власть римского императора изначально была основана на законе, который и придавал правомочность решениям императора. Более поздний древнеримский юрист Домиций Ульпиан (Domitius Ulpianus, 170–228) развивал мысль Гая: «То, что решил принцепс, имеет силу закона, так как народ посредством <царского> закона, принятого по поводу высшей власти принцепса, предоставил принцепсу всю свою высшую власть и мощь» (*Dj I, 4, pr.*)³. Таким образом, хотя абсолютная власть принцепса, т. е. императора, была, с точки зрения классического римского права, следствием делегирования ему этой власти римским народом, однако, получив однажды власть от народа на основании закона, император становился лицом, которое

² «*nec umquam dubitatum est, quin id legis vicem optineat, cum ipse imperator per legem imperium accipiat*». Пер. Ф. М. Дыдынского в редакции В. А. Савельева, Л. Л. Кофанова.

³ «*Quod principi placuit, legis habet vigorem: utpote cum lege <regia>, quae de imperio eius lata est, populus ei et in eum omne suum imperium et potestatem conferat*». Пер. Л. Л. Кофанова, И. С. Петеревского. Прилагательное *regia* — «царского» — представляет собой византийскую интерполяцию, вставленную в текст Ульпиана членами комиссии Трибониана в начале правления Юстиниана I (527–565).

теперь стояло *над законом*. Поэтому, согласно Ульпиану, «то, что император постановил путем письма и подписи, или предписал, исследовав дело, или вообще высказывал, или предписал посредством эдикта, как известно, является законом. Это и есть то, что мы обычно называем конституциями» (*DJ I, 4, 1*)⁴.

История Римского государства в эпоху принципата демонстрирует нам, как императоры, получившие власть в ходе гражданских войн, поддавались соблазну закрепить полученный высокий пост за своими наследниками [Машкин, 1949, 535–549; Егоров, 1985, 204–222]. Причем делали они это вопреки римскому праву предшествующего периода. Публий Корнелий Тацит лаконично, но выразительно описал процесс окончательной деградации Римской республики: «Когда после гибели Брута и Кассия республиканское войско перестало существовать и когда Помпей был разбит у Сицилии, отстранен от дел Лепид, умер Антоний, не осталось и у юлианской партии другого вождя, кроме Цезаря (Октавиана. — А. М.), который, отказавшись от звания триумвира, именуя себя консулом и якобы довольствуясь трибунской властью для защиты прав простого народа, сначала покориł своими щедротами воинов, раздачами хлеба — толпу, и всех вместе — сладостными благами мира, а затем, набираясь мало-помалу силы, начал подменять собою сенат, магистратов и законы, не встречая в этом противодействия, так как наиболее непримиримые пали в сражениях и от проскрипций, а остальные из знати, осыпанные им в меру их готовности к раболепию богатством и почестями и возвысившиеся благодаря новым порядкам, предпочитали безопасное настоящее исполненному опасностей прошлому... И вот Август, стремясь упрочить свое господство, возвеличил Клавдия Марцелла, еще совсем юного сына своей сестры, сделав его верховным жрецом... Своих пасынков Тиберия Нерона и Клавдия Друза он наделил императорским титулом» (*Tacitus Annales I, 2, 1; 3, 1*)⁵.

С первых десятилетий своего существования система принципата стала перерождаться в наследственную монархию, однако республиканские истоки принципата, основные принципы классического римского права, а также известная милитаризация древнеримской аристократии препятствовали этому перерождению, создавая, в свою очередь, внутреннее противоречие. Император получил власть от народа на основании закона, но он же очень быстро оказался выше закона и в силу естественных причин стремился обеспечить правопреемство власти путем превращения принципата в наследственную монархию. Насколько это было законно?

Первые императоры с целью искоренения республиканских устоев опирались на грубую силу, что провоцировало полную деградацию общественных институтов империи. Тацит писал: «Итак, основы государственного порядка претерпели глубокое изменение, и от общественных установлений старого времени нигде ничего не осталось. Забыв о еще недавнем всеобщем равенстве, все наперебой ловили приказания принцепса...» (*Tacitus Annales I, 4, 1*). С одной стороны, противоречие между старым принципом ответственности диктатора или императора перед законом и новой реальностью, в которой император оказывался над законом, провоцировало попытки оспорить власть недостойных императоров, приводило государство к гражданским войнам, таким, например, как кровавая война 68–69 гг., когда в течение полутора лет в Риме сменилось пять императоров. С другой стороны, это противоречие подпитывало появившихся самозванцев, — известные Лже-Нероны, поднявшиеся с социального дна в ходе той же гражданской войны 68–69 гг., представляли маргинальные слои римского общества, которые пытались включиться в борьбу за власть, но, не обладая ресурсами и военным авторитетом, какими обладали, например, представители высшего командования римской армии Вителлий и Веспасиан, компенсировали этот недостаток через отождествление себя с покойным представителем павшей династии Юлиев-Клавдиев.

⁴ «Quodcumque igitur imperator per epistulam et subscriptionem statuit vel cognoscens decrevit vel de plano interlocutus est vel edicto praecepit, legem esse constat. haec sunt quas vulgo constitutiones appellamus». Пер. Л. Л. Кофанова, И. С. Петеревского.

⁵ Пер. А. С. Бобович, Я. М. Боровского, М. Е. Сергеевского.

Несколько веков спустя, в эпоху домината, мы видим, как принцип избрания императора солдатами в сочетании с идеей наследственной монархии, утвердившейся при Константине Великом, привел к власти императора Юлиана Отступника (361–363), который был провозглашен солдатами в Лютееции Парисийской [Митрофанов, 2018, 156–163]. Как писал Аммиан Марцеллин, «Цезарь вынужден был уступить. Его поставили на щит из тех, которые носят пехотинцы, и подняли высоко. Раздался единодушный крик, в котором Юлиан был провозглашен Августом. Требовали диадему, и на его заявление, что такой он никогда не имел, — какого-нибудь шейного или головного украшения его супруги. На его замечание, что женское украшение было бы неподходящей приметой для первого момента власти, стали искать конской фалеры, чтобы корона на его голове могла представить хоть отдаленный намек на верховную власть. Но когда он отверг и это как неподобающее, то некто, по имени Мавр, в ту пору гасат петулантов — впоследствии он в чине комита потерпел поражение в теснине Сукков, — сорвал с себя цепь, которую носил как знаменосец, и дерзко возложил ее на голову Юлиана» (Ammianus Marcellinus XX, 4, 17–18)⁶. Провозглашение Юлиана августом в Лютееции Парисийской, его поднятие на щите и импровизированная коронация стали основой для последующего развития византийского церемониала коронации императора.

Эпоха династии Юлиев-Клавдиев стала своеобразной родовой травмой древнеримской монархии, которая была унаследована позднеримской, а затем и византийской политической системой. Суждения Ульпиана как относительно того, что власть императора основана на делегированных ему римским народом властных полномочиях, так и относительно того, что в силу этого обстоятельства император парадоксальным образом оказывается над законом, были инкорпорированы комиссией Трибониана в Дигесты Юстиниана I Великого (527–565) (*Dj*, 1870, I, 14). Следовательно, византийская правовая и политическая системы были обречены на то, чтобы воспроизводить древнеримское правовое противоречие — император получает власть от народа, но оказывается над законом и может передавать власть по наследству. Если это так, в таком случае народ — т. е. аристократия и армия — может в любой момент оспорить легитимность императора, а маргинальные слои могут принимать участие в борьбе за власть, компенсируя недостаток политических ресурсов мнимым родством с тем или иным покойным автократом.

Как в Римской империи, так и в Византии долгое время не существовало никаких писаных законов, которые бы определяли порядок престолонаследия или же избрания императора. Только спустя много лет после смерти Анны Комниной ее племянник император Мануил I Комнин (1143–1180) санкционировал издание синодального постановления от 24 марта 1171 г., которое представляло собой фактический закон о престолонаследии, определявший наследование престола по мужской линии в зависимости от степени первородства [Медведев, 2001, 43–57]. Таким образом император Мануил, превозносившийся до небес придворной пропагандой в последний период своего царствования, пытался укрепить династию и обеспечить престол за своим маленьким сыном [Magdalino, 1993, 454–470]. Впрочем, издание этого синодального постановления не помешало другому племяннику Анны Комниной, императору Андронику I Комнину (1182–1185) смело его поправить и хладнокровно расправиться с императрицей Марией Антиохийской (1145–1182) и ее сыном Алексеем II (1180–1183), который, как и его мать, был задушен тетивой от лука. (Возможно, определенное влияние на Андроника оказали придворные обычаи и нравы сельджуков, с которыми будущий император имел возможность познакомиться в период странствий вместе со своей прекрасной возлюбленной Иерусалимской королевой Феодорой Комниной между Дамаском и Багдадом, Колонеей и Эрзурумом [Jurewicz, 1962, 84–85]. Как известно, персидский поэт Хакани Ширвани посвятил тогда Андронику замечательную поэму [Minorsky, 1945, 550–578].) Но и без влияния сельджукских обычаев на нравы

⁶ Пер. Ю. А. Кулаковского, А. И. Сонни.

и тайны Комниновского двора в Византии была еще очень сильна римская правовая традиция. И традиция эта предполагала, что каждый император, даже получивший власть по наследству, должен быть одобрен сенатом и «римским народом», от имени которого уже в I веке до Р. Х. выступали солдаты. В 1182 г. Андроник I подобно Исааку I и Алексею I опирался на солдат, которых не оказалось в распоряжении Анны Комниной в августе и осенью 1118 г. Примеры Гая Юлия Цезаря и Октавиана Августа оставались в Византии весьма популярны.

Прокопий Кесарийский сообщает нам, что в эпоху императора Юстина I (518–527) в Византии продолжала существовать римская правовая норма, которая позволяла передавать империю по наследству приемному сыну правящего императора. В 520-е гг. сасанидский шах Кавад (488–496, 499–531) предложил Юстину I усыновить Хосрова — своего сына от парфянской княжны из рода Испахбедов [Pourshariati, 2008, 83–85]. Юстин I и его племянник Юстиниан крайне обрадовались, однако сенатор Прокл выступил категорически против этого, мотивируя протест тем, что подобное усыновление даст Хосрову право со временем претендовать на императорскую порфиру и империю ромеев. Юстин I внял совету и ответил Каваду встречным предложением усыновить Хосрова по иранскому обычаю — посредством вручения усыновленному оружия и доспехов, но без процедуры усыновления, предписанной римским правом, которая требовала участия нотариев и составления письменного акта. Кавад воспринял это как оскорбительный отказ (Procopius BP I, XI, 5–29). Сообщение Прокопия находит подтверждение в истории императоров Тиберия II (578–582) и Маврикия (582–602), которые были усыновлены своими предшественниками. В XI в. эта правовая норма, вероятно, продолжала действовать, о чем свидетельствует ряд примеров. В 1041 г. императрица Зоя Порфирородная усыновила племянника своего второго мужа императора Михаила IV Пафлагонца (1034–1041) — будущего императора Михаила V Калафата (1041–1042), который благодаря этому вступил на престол (Psellos I, 1926, 87). Сестра Зои императрица Феодора Порфирородная (1055–1056) назначила преемником Михаила VI Стратиотика (1056–1057), который также был усыновлен Феодорой (Psellos II, 1928, 83). Наконец, император Алексей I Комнин был усыновлен императрицей Марией Аланской и благодаря этому обстоятельству получил беспрепятственный допуск во дворец (Anne Comnène, 1967, I, 65); [Chalandon, 1900, 39–43]. Это усыновление существенно облегчило подготовку комниновского переворота.

Коллизия римского правового понимания императорской власти заключалась в том, что император мог получить власть по наследству, но природа его власти все равно теоретически проистекала от «римского народа». В декабре 314 г. (?) император Константин Великий (306–337) в конституции, адресованной «римскому народу», определил, что «рескрипты против права не имеют силы, какой бы инстанцией они ни были изданы. Судьи должны следовать более тому, что предписывает публичное право» (CTh I, 2, 2)⁷. Таким образом, Константин подтверждал нормы права, во II в. сформулированные Гаем и Ульпианом, исходя из которых решение императора имеет силу закона, ибо власть императора делегирована ему «римским народом». Но двести лет спустя, в 529 г., император Юстиниан I в конституции, адресованной префекту претория Демосфену, повелевал, что «если императорское величество в порядке судебного следствия расследует дело и тотчас вынесет суждение в отношении тяжущихся сторон, да ведают абсолютно все судьи, которые подвластны нашей власти, что это суждение является законом не только для конкретного судебного дела, но по поводу которого оно вынесено, но для всех подобных дел» (CJ I, 14, 12 pr.)⁸. Тем самым, исходя из расширительного толкования этого закона, выбор наследника престола между различными претендентами передавался Юстинианом в безраздельное

⁷ «contra ius rescripta non valeant, quocumque* modo fuerint impetrata. quod enim publica iura praescribunt, magis sequi iudices debent».

⁸ «si imperialis maiestas causam cognitionaliter examinaverit et partibus cominus constitutis sententiam dixerit, omnes omnino iudices, qui sub nostro imperio sunt, sciant hoc esse legem non solum illi causae, pro qua producta est, sed omnibus similibus».

ведение правящего императора, а одобрение сената и «римского народа» превращалось в фикцию.

Интересно, что эта норма византийского права фактически воспроизводилась в знаменитом уставе, или указе, императора Петра Великого (1682–1725) о престолонаследии от 5 (16) февраля 1722 г., по которому Петр Великий, ссылаясь на пример великого князя Ивана III (1462–1505), утвердил принцип избрания наследника престола волей правящего государя. Примечательно, что Петр Великий ссылаясь именно на Ивана III, который пожертвовал Дмитрием Ивановичем (1483–1509) — своим внуком по линии первой жены, великой княгини Марии Борисовны (1442–1467), в пользу своего сына Василия Ивановича (1505–1533), рожденного от второй жены, великой княгини Софьи Палеолог (1455–1503). Рецепция византийского принципа престолонаследия императором Петром Великим, как известно, привела в России к феномену дворцовых переворотов, которые были закономерным продолжением аналогичной византийской традиции, ибо сам Петр составил завещания не успел. В последующие десятилетия, до 1797 г., наследование престола определялось исключительно волей императора, но эта воля неизбежно сталкивалась с противодействием аристократии и гвардии. В действительности, военные перевороты Елизаветы Петровны и Екатерины II в 1741 и 1762 гг. в несравненно большей степени отражали византийскую политическую традицию, чем, например, неумелые попытки царя Ивана IV (1547–1584) провозгласить себя наследником византийских василевсов. Известно, что византийская политическая система оказалась чрезвычайно устойчива, а Византийская империя просуществовала более тысячи лет. Кто знает, а если бы устав императора Петра Великого о престолонаследии действовал в Российской империи вплоть до самого конца ее существования, возможно, империя могла бы устоять? Ведь если бы император Николай II (1894–1917) был свободен в выборе наследника и отрекся, например, в пользу матери, императрицы Марии Федоровны (1847–1928), в таком случае будущее русского социализма выглядело бы отнюдь не столь радужным, каким оно рисовалось в апреле 1917 г. пассажирам plombированного вагона...

Существовало одно серьезное и важное различие между византийским и классическим римским правом в понимании природы императорской власти, которое было сформулировано в первый период иконоборчества. Это различие и обусловило в конечном счете упомянутую устойчивость византийской политической системы. С точки зрения византийского права — как права христианской империи, — единственным ограничителем воли императора (и, добавим, воли различных претендентов на императорский престол) было Священное Писание, т. е. Божественные заповеди. В 741 г. в преамбуле к «Эклоге» императоры Лев III Исавр и Константин V Копроним писали: «И так как Бог вручил нам императорскую власть, такова была Его благая воля, Он принес этим доказательство нашей любви к Нему, сочетающейся со страхом, и приказал нам пасти самое послушное стадо, как корифею апостолов Петру; мы полагаем, что ничем не можем воздать Богу должное скорее и лучше, чем управлением доверенными им нам людьми — согласно закону и с правосудием...» (Ecloge, 1852, 10, пер. Е. Э. Липшиц). Подобное признание уже не имело ничего общего с традициями римского права, но проистекало из христианской идеи легитимности, на которой была основана политическая философия в Византийской империи. Таким образом, с точки зрения императоров Льва III Исавра и Константина V Копронима власть императора была обусловлена уже не народной легитимацией, но, как в Ветхом Завете, получала санкцию непосредственно от Бога.

Из подобной декларации, впрочем, проистекает весьма опасный практический вывод. Если императорская власть основана на воле Бога, в таком случае любой ромей, почувствовавший высшее призвание к императорской порфире, может начать рискованную игру и борьбу за престол, может заставить себя уверовать в любое происхождение и включиться в эту борьбу, объявив себя наследником покойного императора. Напомним, что именно в эпоху составления «Эклоги» появился Лже-Тиберий Пергамен — мнимый сын императора Юстиниана II Ринотмета (685–695, 705–711).

Как известно, нередко самозванцы искренне верили в подлинность своего происхождения. Несколько позднее на Божественную легитимацию императорской власти, провозглашенную в «Эклоге», опиралась императрица Ирина (780–802), которая свергла своего сына и стала первой женщиной в истории Византии, правившей империей как суверен от своего собственного имени.

В эпоху Македонской династии, после издания императором Львом VI Философом (886–912) в 886 г. «Эпанагоги», византийская политическая теория — по крайней мере, на официальном уровне — вернулась к христианизированному римскому обоснованию императорской власти, основанной на законе как на Божественном принципе. «Эпанагога» отменяла «Эклогу», изданную императорами-иконоборцами, т. е. еретиками, и утверждала несколько иные принципы легитимации императорской власти: «Император — законная власть (ἔννομος ἐλιστασία), общее благо для всех подданных. Он не подвергает кого-либо наказанию из неприязни к нему и не делает добра, исходя из пристрастности, он дарует награды беспристрастно, подобно арбитрам в борьбе... Предназначение императора — благодетельствовать, поэтому он и называется благодетелем. И когда он прекратит благодетельствовать, то окажется, что он извратит характер императорской власти по сравнению с древними законами... Император должен защищать и укреплять, во-первых, все написанное в Божественном Писании, потом также все догматы, установленные семью святыми Соборами, а также избранные римские законы... Император должен отличаться православием и благочестием и прославляться в божественном усердии, сведущим в догматах о Святой Троице и в определениях о домостроительстве через воплощение Господа нашего Иисуса Христа» (Epanagoge, 1852, 65–66).

Согласно «Эпанагоге», императорская власть основана на абстрактных понятиях закона и благодеяния, также она обязана защищать основы христианского вероучения. Подобные принципы в действительности не отменяли ни древнеримскую идею о делегировании императору верховной власти народом, ни представления императоров Исаврийской династии о Божественном происхождении императорской власти.

Характер «Эпанагоги» вызывал и вызывает бурные дискуссии среди византийцев. Вполне возможно, что этот сборник никогда не был официально признанным и действующим правовым кодексом. Как бы там ни было, «Эпанагога» не могла стать препятствием ни для последующих узурпаций, которыми столь богата история Македонской династии, ни для самозванчества, которое расцвело в эпоху Анны Комниной.

Право Исаака Комнина, Никифора Вотаниата и Алексея Комнина на византийский престол было, фактически, обосновано при помощи тех же аргументов, при помощи которых римляне оправдывали верховную власть Цезаря и Октавиана, Веспасиана и Константина Великого. Сущность этих аргументов заключалась в утверждении, что император выполняет функции древнеримского диктатора, который получает одобрение «римского народа», т. е. римской армии, а также патрициев, т. е. сената, и таким образом спасает государство от «тирании». Наследственная монархия, не получающая одобрения «римского народа», рассматривается с этой точки зрения как зло, иногда неизбежное, порой принимающее формы тирании и чреватое проблемой самозванчества. Самозванец — это подлый человек, раб в античном смысле слова, который пытается узурпировать верховную власть, ссылаясь на свое мнимое кровное родство с императором несмотря на то, что настоящая верховная власть дается «римским народом» диктатору, что и произошло в случае с Алексеем Комнином. Анна Комнина оставалась до конца этой древнеримской теории, которая в византийской политической философии трансформировалась в знаменитый афоризм Михаила Пселла «Победившая тирания становится законной властью» [Медведев, 2001, 72]. А если это так, следовательно, только победа над братом в 1118 г. могла вернуть Анне то, что она после его злополучного рождения безнадежно утратила. И хотя И. П. Медведев допускает, что в эпоху Алексея I Комнина, несмотря на отсутствие писаного закона о престолонаследии, уже сформировалась связанная с Пселлом идея о преимуществе

наследования престола по прямой мужской линии [Медведев, 2001, 51], с нашей точки зрения, пример неудачного переворота Анны Комниной, упомянутый исследователем, как раз подтверждает то, что древнеримская правовая традиция народной легитимации императора по-прежнему подспудно определяла внутренние тенденции византийской политической жизни.

Для Анны Комниной так же, как когда-то и для Иоанна Цимисхия, важнейшим элементом легитимации вооруженного захвата власти была императорская коронация — венчание на царство, которое после комниновского переворота 1081 г. стало необходимым условием примирения враждующих партий. Анна писала о коронации отца: «Между тем Алексей, пока только один, венчается на царство десницей патриарха Косьмы. Этот святой, исполненный благочестия муж был избран тогда, когда на четвертом году царствования Михаила Дуки, сына Константина, скончался второго августа тринадцатого индикта святейший патриарх Иоанн Ксифилин» (Anne Comnène, 1967, I, 109, пер. Я. Н. Любарского). Коронация ставила точку в споре за порфиру между братьями-победителями: Алексеем и Исааком, а заодно и примиряла Алексея с разгневанным константинопольским плебсом, пострадавшим от комниновских солдат во время переворота. По словам Анны, коронация отца произошла в разгар борьбы между родственниками ее матери Ирины Дукены и ее бабушкой Анной Далассиной. Сам Алексей, видимо, колебался относительно того, какую позицию занять в этой борьбе, а потому и дал согласие на то, чтобы короноваться одному, без жены. И только упорство патриарха Косьмы не позволило Анне Далассиной возвести на патриарший престол своего человека Евстратия Гариду до того, как император еще не дал согласие короновать свою жену Ирину: «И вот на седьмой день после провозглашения Алексея патриарх Косьма надевает венец и на голову его супруги Ирины» (Anne Comnène, 1967, I, 110; пер. Я. Н. Любарского). Коронация Ирины Дукены, с точки зрения Анны Комниной, подтверждает законность переворота, ибо значительная часть его участников, например Георгий Палеолог, прямо заявляли, что ввязались в это предприятие исключительно «ради Ирины» (Anne Comnène, 1967, I, 106).

Заключение

Обобщая основные выводы, постараемся ответить на те вопросы, которые были нами сформулированы в начале этой статьи. Очевидно, что на основании норм, сформулированных Гаем (*GI* I, 5), Домицием Ульпианом (*DJ* I, 4, pr.) и императором Юстинианом I (*CJ* I, 14, 12 pr.), передача императорской власти как в VI, так и в XI в. формально зависела исключительно от воли правящего автократора, который на практике постоянно сталкивался с волей «римского народа», т. е. армии и военной аристократии. В этом заключалась известная коллизия византийской политической системы. Как известно, законодательство императора Юстиниана I окончательно оформило процесс превращения восточно-римской государственности в абсолютную монархию, управляемую «императорским величеством» (*imperiali maiestate*). И с этой точки зрения законодательство Юстиниана, при первых императорах Македонской династии изложенное на греческом языке в «Прохироне», «Эпанагоге» и «Василиках», оставалось правовым фундаментом Византийской империи и в эпоху Алексея I Комнина. Этот правовой фундамент активно использовался юристами на практике благодаря т. н. «Синописису Василик». «Большой Синописис Василик», составленный в царствование императора Никифора II Фоки (963–969), в частности, определял, что «василевс не подлежит законам, а августа подлежит; василевс же дает августу свои постановления» (*Synopsis Basilicorum Maior*, 1859, 130). Таким образом, византийское право, следуя римскому, ставило императрицу с формальной точки зрения в подчиненное положение перед императором, что часто расходилось с практикой. Император же прямо объявлялся стоящим над законами, что было существенным шагом вперед по сравнению с попытками древнеримских юристов совместить автократию с народной легитимацией. Если император поставлен над законами,

то вполне логично, что он может определять наследника, однако не менее логично и то, что такие наследники, как, например, Анна Комнина, по-своему толковали свои права на престол.

Преращение выборной древнеримской монархии в монархию наследственную, ставшее свершившимся фактом уже в эпоху правления династии Юлиев-Клавдиев, базировалось на описанной выше правовой коллизии, которая была унаследована римско-византийской политической системой от эпохи гражданских войн I в. до Р. Х. Выбор наследника определялся волей императора, но был обусловлен согласием сената и армии. Правовые основания превращения выборной монархии в наследственную коренились в самом принципе римско-византийского права, исходя из которого воля императора есть закон. Византийское право пошло значительно дальше в обосновании права императора самому избирать себе наследника, однако автократия, ставшая в соответствии с римскими традициями императора над законом, постоянно встречала в Византии вооруженное противодействие.

С 969 г. важнейшим инструментом легитимации нового императора стала коронация, которая до этого была лишь символическим ритуалом. Коронация императора Иоанна Цимисхия патриархом Полиевктом приобрела характер отпущения грехов узурпации и цареубийства, которые совершил Иоанн. Это же представление о коронации как о благословении императора Богом существовало в эпоху комниновского переворота, ибо, с точки зрения Анны Комниной, именно коронация ее родителей Алексея и Ирины поставила точку в споре о легитимности их прихода к власти. Подобное представление было в целом характерно для законодательства императора Алексея Комнина, который подчеркивал важное значение церковного благословения для любого юридического акта. (Известно, например, что XXIV новелла Алексея Комнина, изданная в 1084 г., уравнила церковное обручение с браком.) С этой точки зрения стремление Алексея Комнина закрепить престол за своим сыном Иоанном можно рассматривать как результат влияния ветхозаветных примеров — царей Давида и Соломона. Неслучайно же советовал византийским стратигам читать Ветхий Завет такой известный современник Алексея Комнина, как Катакалон Кекавмен! (Катакалон Кекавмен, 2003, 170–171) Нормы церковного права, например 85-е Апостольское правило, 60-е правило Лаодикийского Собора, 33-е правило Карфагенского Собора, определяли обязательный перечень ветхозаветных канонических книг, в которых описывались примеры передачи царской власти от отца к сыну у древних иудеев. С этой точки зрения император Алексей, стремившийся передать власть своему сыну в обход безусловных прав Анны Комниной, не вносил ничего принципиально нового в византийское законодательство, но, в соответствии с этим законодательством, распорядился империей так, как считал необходимым.

Однако Анна Комнина, воспитанная своей бабушкой Анной Далассиной на личных примерах своего отца и императора Исаака I, завоевавших императорский престол силой оружия, не собиралась отказываться ни от своего права первородства, которое до 1087 г. бесспорно признавалось ее отцом, ни от своего прежнего титула кесариссы. Прецеденты, созданные в 742 г. Анной Исаврийской и Артаваздом, а в 797 г. императрицей Ириной, давали Анне Комниной легитимные основания бороться за власть и готовить переворот против младшего брата. А древнеримский правовой принцип, согласно которому воля императора — закон, свободно интерпретировался Анной Комниной в свою пользу, ибо принцесса считала законной императрицей саму себя — и как старшая дочь Алексея Комнина, и как кесарисса, и как невестка императора Михаила VII Дуки Параспинака (хотя бы и в прошлом).

Не исключено, что в борьбе против брата Анна Комнина вдохновлялась также современными ей примерами из сельджукской политической жизни. В 1116 г. император Алексей I разбил сельджукского султана Малик Шаха I (1110–1116) в битве при Филомелионе (Akşehir), вследствие чего султан обещал императору очистить территории византийских фем, захваченные сельджуками после 1071 г. (Anne Comnène III, 1989, 206–210). Договор этот так никогда и не был выполнен, ибо Малик Шах пренебрег

предложением императора Алексея выделить ему для сопровождения конвой византийских катафрактов и, в итоге, был схвачен воинами родного брата Масуда (1116–1156). Масуд же приказал сперва ослепить Малик Шаха при помощи свечи, а затем ударить несчастного тетивой от лука (Anne Comnène, 1989, III, 210–213). (Следует подчеркнуть, что смертельная борьба за власть между родственниками была отличительной чертой как Румского султаната, так и Иранской империи Великих Сельджукидов. Отчасти это было связано с тем, что кочевники сельджуки, начиная с раннего этапа своей экспансии, не могли изжить племенную структуру и рудименты лествичной системы наследования [Reacock, 2010, 128–163; Reacock, 2015, 72–155].) Как уже отмечалось, спустя десятилетия после попытки переворота, предпринятой Анны Комниной, политические традиции сельджукского двора были заимствованы императором Андроником I Комнином и в полной мере реализовались в Византии в 1182–1183 гг. Почему Анна Комнина не могла опередить своего знаменитого племянника и учесть в 1118 г. современный ей сельджукский политический опыт?

Дело в том, что Анна Комнина глубоко презирала сельджуков как диких варваров и тиранов, поработивших восточные фемы Византийской империи. Нравы сельджукского двора могли подсказать ей, вероятно, какую-то практическую идею борьбы, но воля принцессы определялась сугубо византийскими политическими традициями. В конечном итоге, мотивы Анны Комниной, побудившие ее вступить в борьбу за престол в 1118 г., сочетали в себе как библейское представление о святости собственного права первородства, так и древнеримский правовой принцип, исходя из которого императорская власть принадлежит тому, кто может подтвердить право на нее в жестокой борьбе. Тем самым, выступая против воли отца, Анна Комнина невольно бросала вызов традиции наследственной монархии и становилась защитницей классического римского права. И при этом Анна Комнина безусловно мечтала подражать своему отцу, который весной 1081 г. вместе с братом Исааком умчался на коне из Константинополя, чтобы затем вернуться во главе армии и захватить престол (Anne Comnène, 1967, I, 75–76). С этой точки зрения строфы из византийской «рыцарской» поэмы «Об Армуре», приведенные нами в качестве эпиграфа настоящей статьи, как нельзя лучше отражают настроение византийской принцессы. Подобно знатной стратегиссе из поэмы «Об Армуре», Анна Комнина готовила отцовского коня, но в первую очередь для себя. А знаменитая византийская инвокация «Господи, помоги рабе Твоей» оставалась для нее единственным мерилем ее отважных поступков. Парадокс истории заключается в том, что реализовать мечту Анны Комниной и последовать ее примеру суждено было спустя много лет ее дерзкому племяннику императору Андронику I, который завоевал престол и истребил род императора Иоанна II.

Источники и литература

Источники

1. Ammianus Marcellinus — Ammiani Macellini Rerum Gestarum Libri qui supersunt / Hrsg. von V. Gardthausen. Leipzig, 1874. Vol. I, II.
2. Annae Comnenae Alexias / Hrsg. von D. R. Reinsch, A. Kambylis. Berlin, New York, 2001. B. I, II.
3. Anne Comnène (1967) — *Anne Comnène. Alexiade* / Éd. par Bernard Leib. Paris, 1967–1989. Vol. I–II.
4. Anne Comnène (1989) — *Anne Comnène. Alexiade* / Éd. par Bernard Leib. Paris, 1967–1989. Vol. III.
5. Attaleiates (2011) — *Michaelis Attaliatae Historia* / Hrsg. von Eudoxos Tsolakis, (CFHB. Vol. 50). Athenai, 2011.

6. *CJ* — Codex Iustinianus / Hrsg. v. Paulus Krueger. Berlin, 1877.
7. *CTh* — Codex Theodosianus / Hrsg. v. Theodor Mommsen. Berlin, 1905, B. I, II.
8. *DJ* — Digesta seu Pandectae Iustiniani Augusti / Hrsg. von Theodor Mommsen. Berlin, 1870. Vol. I, II.
9. Ecloga (1852) — Ecloga Leonis et Constantini. Collectio librorum juris graeco-romani ineditorum / Hrsg. von Karl Eduard Zachariae von Lingenthal. Leipzig, 1852.
10. Epanagoge (1852) — Epanagoge legis Basilii et Leonis et Alexandri. Collectio librorum juris graeco-romani ineditorum / Hrsg. von Karl Eduard Zachariae von Lingenthal. Leipzig, 1852.
11. *GI* — *Gaius*. Institutes / Éd. par Julien Reinach, Collection Bude. Paris, 1965.
12. Niketas Choniates (1975) — Nicetae Choniatae Historia / Hrsg. von J. L. Dieten. (CFHB. Vol. 11). Berlin; New York. 1975. Bd. I.
13. Procopius — Procopii Caesariensis Opera Omnia / Hrsg. v. Jacob Haury, Vier Bde., Teubner, Leipzig, 1905–1913.
14. Psellos I (1926) — *Michel Psellos*. Chronographie ou Histoire d'un siècle de Byzance (976–1077) / Éd. par Emile Renauld. Paris, 1926. T. I.
15. Psellos II (1928) — *Michel Psellos*. Chronographie ou Histoire d'un siècle de Byzance (976–1077) / Éd. par Emile Renauld. Paris, 1928. T. II.
16. Synopsis Basilicorum Maior (1859) — Synopsis Basilicorum Maior / Hrsg. v. Karl Eduard Zachariae von Lingenthal. Leipzig. 1859.
17. Tacitus Annales — Publius Cornelius Tacitus / Erklärt von K. Nipperdey. Berlin, 1904.
18. Катакалон Кекавмен (2003) — *Катакалон Кекавмен*. Советы и рассказы: Поучение византийского полководца XI века / Пер. с греч. и комм. Г. Г. Литаврина. СПб.: Алетейя, 2003. 711 с.
19. Об Армуре. Греческая былина византийской эпохи / Изд. и пер. Г. С. Дестунис. СПб., 1877.
20. Эклога. Византийский законодательный свод VIII века / Пер. и комм. Е. Э. Липшиц. М.: Наука, 1965.

Литература

21. Егоров (1985) — *Егоров А. Б.* Рим на грани эпох. Проблемы рождения и формирования принципата. Л.: Изд-во ЛГУ, 1985.
22. Каждан (1961) — *Каждан А. П.* Из истории византийской хронографии X в. Ч. 2: Источники Льва Диакона и Скилицы для истории третьей четверти X столетия // Византийский временник. 1961. Т. 20 (45). С. 106–128.
23. Машкин (1949) — *Машкин Н. А.* Принципат Августа. Происхождение и социальная сущность. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1949.
24. Медведев (2001) — *Медведев И. П.* Правовая культура Византийской империи. СПб.: Алетейя. 2001.
25. Митрофанов (2018) — *Митрофанов А. Ю.* Проблема происхождения правовой процедуры римско-византийского обряда коронавания императора // Христианское чтение. 2018. № 5. С. 156–163.
26. Мохов (2012) — *Мохов А. С.* Военная политика Исаака I Комнина // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер.: История. Экономика. Политология. Информатика. Белгород, 2012. № 1 (120). С. 52–60.
27. Chalandon (1900) — *Chalandon F.* Les Comnène. Études sur l'Empire Byzantin au XIe et au XIIe siècles. Vol. I: Essai sur le règne d'Alexis Ier Comnène (1081–1118). Paris, 1900.
28. Chalandon (1912) — *Chalandon F.* Les Comnène. Études sur l'Empire Byzantin au XIe et au XIIe siècles. Vol. II: Jean II Comnène (1118–1143) et Manuel I Comnène (1143–1180). Paris, 1912.
29. Jurewicz (1962) — *Jurewicz O.* Andronik I Komnenos, Warszawa, 1962.
30. Kaldellis (2015) — *Kaldellis A.* The Byzantine republic. People and power in New Rome. Cambridge; Massachusetts; London: Harvard University Press, 2015.
31. Magdalino (1993) — *Magdalino P.* The Empire of Manuel I Komnenos, 1143–1180. Cambridge, 1993.

32. Minorsky (1945) — *Minorsky V. Khāqānī and Andronicus Comnenus // Bulletin of the School of Oriental and African Studies, University of London.* 1945. Vol. 11. No. 3. P. 550–578.
33. Mitrofanov (2017) — *Mitrofanov A. Pompey and Mithridates Eupator in the Work of Livy // Archaeology of Historical Period of Iran.* Tehran, (2017). P. 223–232.
34. Peacock (2010) — *Peacock A. C. S. Early Seljūq History: A New Interpretation.* London; New York: Routledge, 2010. 190 p.
35. Peacock (2015) — *Peacock A. C. S. The Great Seljuk Empire.* Edinburgh: Edinburgh University Press, 2015. 378 p.
36. Pourshariati (2008) — *Pourshariati P. Decline and Fall of the Sasanian Empire: The Sasanian-Parthian Confederacy and the Arab Conquest of Iran.* London; New York, 2008.
37. Prinke (2011) — *Prinke R. T. Kata of Georgia, Daughter of King David IV the Builder, as Wife of Sebastokrator Isaakios Komnenos // Foundations.* 2011. No. 3 (6). P. 489–502.
38. Schlumberger (1890) — *Schlumberger Gustave L. Un Empereur Byzantin au dixième siècle. Nicéphore Phocas. Ouvrage Illustré.* Paris, 1890.
39. Schlumberger (1905) — *Schlumberger G. L. L'Épopée byzantine à la fin du dixième siècle, Zoe et Theodora.* Paris, 1905. Vol. III.
40. Speck (1978) — *Speck P. Kaiser Konstantin VI. Die Legitimation einer fremden und der Versuch einer eigenen Herrschaft. Quellenkritische Darstellung von 25 Jahren byzantinischer Geschichte nach dem ersten Ikonoklasmus.* Muenchen, 1978. B. I., II. 857 p.
41. Speck (1981) — *Speck P. Artabasdos, der rechtgläubige Vorkämpfer der göttlichen Lehren. Ποικίλα Βυζαντινά 2.* Bonn, 1981. 423 p.
42. Speck (1988) — *Speck P. Das geteilte Dossier. Beobachtungen zu den Nachrichten über die Regierung des Kaisers Herakleios und die seiner Söhne bei Theophanes und Nikephoros. Ποικίλα Βυζαντινά 9.* Bonn, 1988. 548 p.
43. Speck (2002) — *Speck P. Kaiser Leon III., Die Geschichtswerke des Nikephoros und des Theophanes und der Liber Pontificalis, T. I.: Die Anfänge der Regierung Kaiser Leons III. Ποικίλα Βυζαντινά 19.* Bonn, 2002. 448 p.